

УДК 159.99

**МЕДИАТЕКСТ КАК МИР-ТЕКСТ
В КОНВЕРГЕНТНЫХ МАСС-МЕДИА****THE MEDIA TEXT AS THE WORLD-TEXT IN CONVERGED MEDIA****Л. Г. Егорова, Д. В. Туманов
L. G. Yegorova, D. V. Tumanov***Волгоградский государственный университет, 400062, г. Волгоград, пр. Университетский, 100**Volgograd State University, 100, Universitetsky ave., Volgograd, 400062, Russia**E-mail: gercen2000@yandex.ru*

Ключевые слова: медиатекст, мир-текст, ризома, постмодерн, конвергентные масс-медиа
Keywords: media text, the world-text, rhizome, postmodern, converged media

Аннотация. В статье формулируется проблема понимания медиатекста в смысле мир-текста как ризоморфной конструкции, выявляются его ключевые характеристики и на основе постмодернистского подхода раскрываются принципы структурирования информационных потоков в ситуации конвергенции масс медиа.

Summary. We formulate the problem of understanding the world in terms of media text as a rhizome design, its key features are identified on the basis of postmodernist approach reveals the principles of structuring information flows in a situation of mass media convergence.

Метаконвергенция массмедиа предполагает как конвергенцию технологий, так и конвергенцию смыслов – актуальный диалог, где коммуникативное – метатекстовое – единство образует новое ассоциативное поле смыслов – «выразительное и говорящее бытие» (М. Бахтин). Конвергенция в массмедиа, по нашему мнению, возникла под влиянием идей, а затем и практики сосуществования в едином пространстве нескольких, порой взаимоисключающих, форм ретрансляции информационных потоков. Такая ситуация неизбежно оказывает влияние на коммуникативные процессы, роль и структуру редакционных отделов не только в технологическом плане, но и меняет форму реализации контента. Чистая информация уже не способна привлечь внимание, поскольку может быть получена из любого коммуникационного источника. На смену ей приходит мир-текст как ризоморфное аструктурированное образование, обладающее имманентным креативным потенциалом самоорганизации и нефинальной динамикой.

Современный мир-текст, как связный знаковый комплекс, «включает в себя не только словесный текст, иконический текст, аудио-текст, видео-текст (конвергенция технологий), но и ту многомерность смыслов, которую возможно деконнотировать, трансформировать в процессе потребления и неисчислимо количество инфо-текстов (конвергенция смыслов). А сама конвергенция массмедиа как схождение в одной точке подразумевает предельное уплотнение мира-текста с максимальной знаково-символьной информацией на единицу создаваемых образов»⁵².

Кроме того, поскольку на первом месте в интересах конвергентных редакций по-прежнему остается завоевание и удержание рынка сбыта, в них можно наблюдать процесс постоянного взаимного приспособления и компромисса между коммерческими целями менеджмента и творчеством. Творчество во многих отношениях рутинизируется, оказывается подчиненным технологическому производству конвергентных медиапродуктов, подчиняется требованиям «форматов», его фокус смещается в сторону поиска новых форм связей с общественностью и приемов маркетинга. В этих условиях, мир-текст вынужденно «обогащается» элементами контента, связанными деятельностью по паблисити и промоушен, чтобы обеспечить редакционному проекту коммерческий успех.

Использование в медийном познании социальных явлений парадигмального метода позволяет обнаружить симультанность конвергирующихся информационных потоков, обретающую метафизический смысл. Двойное кодирование как редуцированная форма пародии познания действительности преобразуется в современных медиатекстах в языковую игру, нацеленную на ироническое осмысления факта и порождение определенного образа

⁵² Туманов Д.В. Мир-текст как основа конвергенции массмедиа / Д.В. Туманов // Медиаконвергенция и «ситуация человека»: новые вызовы, старые вопросы. – Казань: Казан. ун-т, 2012. – С. 60-61.

мышления у аудитории. Базовой опорой процесса конвергенции здесь, вне всякого сомнения, выступает текст, а значимые акценты смещаются с того, что сообщается на то, как сообщается.

Конвергенция масс-медиа подразумевает техническое слияние в одном издании различных способов донесения контента до потребителя. Современные исследователи констатируют, что ведущим звеном конвергентных процессов, без которых, они не смогли бы осуществиться, является интернет. Так, например, А. Калмыков прежде всего ведет речь о появлении гиперизданий, включающих различные комбинации: газета + интернет, телевидение + газета + интернет и т.п. Интернет в этих связках, по его мнению, является основным локомотивом конвергентных процессов и одновременно плацдармом, на котором они разворачиваются⁵³. В любом случае, появление интернета как информационного канала существенно преобразует не только способ подачи информации, но и само её содержание.

Процессы либерализации всех типов норм в медиатексте – системных, стилевых (жанровых), контекстуальных – закономерное проявление конвергенции информационных потоков, что хорошо объясняется практиками анализа текста – т.н. «деконструкции» – постмодернистских философов. Французские постструктуралисты (Ж.Ф. Лиотар, Ж. Деррида, Ж.-Л. Бодрийяр) закрепили за постмодернизмом понимание, прежде всего, диалектики деконструктивизма и принципа нонселекции как презумпции равновозможности и равного права на параллельное сосуществование в децентрированном культурном пространстве различных и даже взаимно альтернативных культурных программ и стратегий⁵⁴. «На уровне текстовых структур, – указывает исследователь языка масс-медиа Г. Рахимкулова, – принцип нонселекции представляет собой ряд приемов, направленных на нарушение жанровой специфики журналистского текста, а зачастую – на их полное смешение»⁵⁵. И как результат – смысл не предшествует языку, а наоборот непрерывно производится языком.

Современный медиатекст хорошо описывается метафорой «ризомы», предложенной Ж. Делезом и Ф. Гваттари. Ризома – своеобразная запутанная корневая система, без центра-стержня, в которой «неразличимы отростки и побеги, и волоски которой, регулярно отмирая и заново отрастая, находятся в состоянии постоянного обмена с окружающей средой... Ризома вторгается в чужие эволюционные цепочки и образует «поперечные» связи между «дивергентными» линиями развития. Она порождает несистемные и неожиданные различия, она разделяет и прерывает эти цепочки, бросает их и связывает, одновременно все дифференцирует и систематизирует, т.е. стирает различия»⁵⁶. При этом она нелинейна и антигенеалогична, нет смысла говорить о её происхождении, и поэтому она не реальна, а, скорее, виртуальна, но не в смысле иллюзии реального, а в смысле процесса самоактуализации. Мир-текст как ризоморфное образование обладает признаками полиморфности, что связано в том числе и с отсутствием центрирующего единства кода для его понимания; бесконечной множественностью трансформаций, что обеспечивается имманентной нестабильностью (нонфинальностью) интерпретаций; перманентной креативной подвижностью, потенциалом самоварьирования.

Ризома как организационная модель конкретизируется постмодернистами к их трактовке художественного текста, который они понимают в самом общем виде как стереофонический поток явных и скрытых цитат и отсылок к разнообразным и различным пластам и сферам культурных смыслов, каждая из которых может вступить с любой другой в отношения диалога или пародии, формируя внутри текста все новые и новые тексты и интерпретации. Как писали Ж. Делез и Ф. Гваттари, «в глубине дерева, в дупле корня или в пазухе ветки может сформироваться новая ризома»⁵⁷. В этом смысле к современному медиатексту, понятому как мир-текст, применимы все метафоры, которые использовали постмодернисты для описания ризомы: «сад расходящихся тропок» у Х.Л. Борхеса, сетевой «лабиринт» у У. Эко, «дисперсность доминантных ходов» у Ф. Джеймсона, а также, и, может быть, в большей мере, «интертекстуальность» Ю. Кристевой, несмотря на то, что

⁵³ Калмыков А.А. Конвергенция – возможность универсального журнализма в рамках профессиональной идентичности / А.А. Калмыков // Вестник электронных и печатных СМИ. URL: <http://www.ipk.ru/index.php?id=2231>

⁵⁴ См.: Аппиньянези Р. Знакомьтесь: постмодернизм / Р. Аппиньянези. – СПб.: Академический проект, 2004. – С. 3.

⁵⁵ Рахимкулова Г.Ф. Медиатекст как явление культуры постмодернизма / Г.Ф. Рахимкулова // Инфоносфера и массовые коммуникации. – Ростов-на-Дону, 2008. – С.142.

⁵⁶ Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм / И.П. Ильин. – М.: Интрада, 1996. – С.99.

⁵⁷ Deleuze G., Guattari. F. Rhizome. – P., 1976. – 74 p. Цит. по: Грипанов А.А., Абушенко В.Л. Ризома // История философии. Энциклопедия. – Минск, 2002. – С. 886 – 887.

первоначально она воспринимала идею взаимоотношений, диалога между текстами формалистически, ограничивая эти процессы исключительно сферой литературы. Впоследствии Ж. Деррида, лишивший знак его референциальной функции, позволил появиться расширительной трактовке этой идеи: как текст могут быть прочитаны история и общество, а, следовательно, вся человеческая культура может пониматься как интертекст, как некий «универсум текстов».

Феномены истины, адекватности, реальности, транслируемые через масс-медиа, перестают восприниматься в качестве онтологически фундированных и воспринимаются аудиторией в качестве феноменов символического порядка⁵⁸. Ирония и интертекстуальность, влекущая за собой «смерть автора», рождает специфическое свойство постмодернистского текста, получившее название пастиш – фантазийная пародия, составленная по принципу попури. В западной журналистике это качество нашло отражение в требованиях соблюдать комбинированность в информации как сочетание одновременной серьезности и развлекательности. По определению Р. Барта, «каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры. Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат. Обрывки культурных кодов, формул, ритмических структур, фрагменты социальных идиом и так далее – все они поглощены текстом и перемешаны в нем, поскольку всегда до текста и вокруг него существует язык. Как необходимое предварительное условие для любого текста, интертекстуальность не может быть сведена к проблеме источников и влияний; она представляет собой общее поле анонимных формул, происхождение которых редко можно обнаружить, бессознательных или автоматических цитаций, даваемых без кавычек»⁵⁹. Информационные потоки современности, пропущенные через призмы интертекстуальности, создают индивидуальный мир читателя как огромный текст, в котором он разгадывает новые смыслы и значения, о которых автор и не помышлял.

Поскольку постмодернизм интерпретирует пространственные среды как лишённые не только центра, но и любых приоритетных осей и точек, в конвергентных медиатекстах приветствуется схождение в одной точке элитарного и массового, литературного и разговорного, реального и виртуального. Конвергенция жанров, форм и видов репрезентации медиа-события порождает такой информационный эклектизм, при котором текстовое, иконографическое, аудиальное и визуальное не просто дополняют друг друга, а тщательно перемешиваются, являя собой совершенно новый виртуальный мир, где медиа-событие становится важнее, чем его информационно-социальная значимость. Анализируя эти перемены, голландский критик Т. Д'ан приходит к выводу, что смысл при восприятии постмодернистского текста «уже более не является вопросом общепризнанной реальности, а скорее эпистемологической и онтологической проблемой изолированного индивида в произвольном и фрагментированном виде»⁶⁰. И тогда уже, как отмечают Н. Терещенко и Т. Шатунова, «перестает быть важным различие между реальностью и ее обозначением. Реальность исчезает, ее заменяет становящийся реальностью текст»⁶¹.

Такое отношение к истинности знания во многом сложилось под влиянием М. Фуко. Для французского представителя постструктурализма «не существует общеобязательности и универсальности норм интеллекта, а множество единичных (сингулярных) дискурсов»⁶². «Господствующие идеологии», завладевая масс-медиа как «индустрией культуры», навязывают аудитории «язык» (образ мышления), существенно ограничивая способность потребителя информации осознавать свой жизненный опыт, свое «материальное бытие» и, тем самым, разрушая понимание как самого себя, так и окружающего мира⁶³. Именно таким образом конвергированные масс-медиа выполняют функции, кардинальным образом изменившиеся в новых условиях порождения текста: они отнюдь не стремятся сообщить

⁵⁸ См.: Коротченко Е.П. Гиперреальность / Е.П. Коротченко // Социология: Энциклопедия. – Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2003. – С.222.

⁵⁹ Barthes R. Texte // Encyclopedia universalis. – Vol. 15. – Paris, 1973. – P.78.

⁶⁰ Цит. по: Можейко М.А. Постмодернистская чувствительность / М.А. Можейко // Новейший философский словарь. – Минск, 2001. – С.784.

⁶¹ Терещенко Н.А., Шатунова Т.М. Постмодерн как ситуация философствования / Н.А. Терещенко, Т.М. Шатунова. – СПб.: Алетейя, 2003. – С.78.

⁶² Цит. по: Огурцов А.П., Платонов В.В. Образы образования. Западная философия образования. XX век / А.П. Огурцов, В.В. Платонов. – СПб.: РХГИ, 2004. – С.419.

⁶³ См.: Ильин И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа / И.П. Ильин. – М.: Интрада, 1998. – С.14-15.

истину. Их задача – создать хаосмос, поскольку вся культура эпохи постмодерна ориентирована на осмысление именно нестабильности как таковой, – или, по Ж.Ф. Лиотару, «поиск нестабильностей»: «позитивное знание не имеет никакой другой роли, как информировать практического субъекта о действительности, в которую должно вписываться исполнение предписания»⁶⁴. Но поскольку мир нестабилен, то потребителя информации более интересует не позитивное знание, а вариативность развития событий: «Время – это нечто такое, что конструируется в каждый данный момент. И человечество может принять участие в процессе этого конструирования»⁶⁵. Обвиняя современные масс-медиа в ретрансляции «негативной» (вариативной) информации или больше того – в информационной дестабилизации восприятия мира, мы отвергаем их стремление соответствовать запросам современного постмодернистского мышления. Более того, по мысли Ж. Бодрийяра, современные СМИ нетранзитивны, антикоммуникативны, они лишь «площадка» для формирования нового мир-текста: «если мы примем определение коммуникации как обмена, как пространства взаимосвязи слова и ответа, а следовательно, и ответственности, – ...они вовсе не обладают психологической и моральной ответственностью, но выступают в качестве личностной корреляции одной и другой стороны в процессе обмена»⁶⁶.

Желая участвовать в происходящем, конструируя собственное информационное пространство, аудитория включается в интерактивные формы коммуникации, голосуя кликом компьютерной мышки за что-либо, комментируя новости в блогах или ассоциируясь с редакцией через гражданский журнализм. Агрессивная журналистика в ее глазах обретает черты развлекательности: аудитория с одинаковым интересом следит за военной операцией, спортивными состязаниями или криминальной хроникой, отражающей расследование преступления. «Реальность, рассматриваемая по частям, является к нам уже в качестве собственной целостности, в виде особого, самостоятельного псевдо-мира, доступного лишь созерцанию»⁶⁷.

По мнению одного из немногих исследователей, рассматривавших растущие в эру постмодерна возможности массовой коммуникации, Ж.-Л. Бодрийяра⁶⁸, формирование нового состояния культуры вплотную связано с расширением приемов монтажа образов и с феноменом пространственно-временного сжатия. Информации становится все больше и больше, что значительно осложняет возможности ее понимания, что порождает ситуацию одновременного существования множества кодов, которые не объединены единым метакодом. Особенно ярко это проявляется в сфере коммерческой телевизионной культуры. Насыщение повседневности бесконечной серией симуляций приводит к формированию своеобразной гиперреальности. Это своего рода нестабильная, эстетизированная галлюцинация реальности, спектакль образов, потерявший изначальный смысл.

Конвергентные масс-медиа, создавая эффект привыкания к совмещению несовместимого, по мнению А. Кроукера и Д. Кука, прекращают отражать жизнь, напротив – жизнь становится их отражением⁶⁹. Те же телевизионные новости всего лишь творение журналиста, а используемые им знаки не репрезентируют, а только симулируют. Более того, сегодня мир таков, что «реальным» становится лишь то, что может быть симулировано. Люди узнают эту «реальность», прежде всего, посредством контакта с электронными средствами массовой информации: объекты становятся «реальными» только в том случае, если они будут показаны по телевидению. Фактическая реальность трансформируется массовыми коммуникациями и становится специфическим средством, декорацией той или иной идеи, призванной оказать влияние на людей⁷⁰. Частным проявлением трансформации стало то, что политика, например, становится сферой шоу-бизнеса, а избирательные кампании являются

⁶⁴ Лиотар Ж.Ф. Состояние постмодерна / Ж.Ф. Лиотар. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. – С.88.

⁶⁵ Пригожин И.Р. Философия нестабильности / И.Р. Пригожин // Вопросы философии. – 1991. – № 6. – С.52.

⁶⁶ Бодрийяр Ж.-Л. Символический обмен и смерть / Ж.-Л. Бодрийяр. – М.: Добросвет, КДУ, 2006. – 389 с. Бодрийяр Ж.-Л. Символический обмен и смерть / Ж.-Л. Бодрийяр. – М.: Добросвет, КДУ, 2006. – 389 с.

⁶⁷ Дебор Г. Общество спектакля. – М.: Логос, 2000. – С.3.

⁶⁸ Бодрийяр Ж. Реквием по масс-медиа // Поэтика и политика: Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1999. – С.193 - 226.

⁶⁹ Кроузер А., Кук Д. Постмодернистская стена: экспериментальная культура и гиперэстетика / А. Кроузер, Д. Кук // Общественные науки за рубежом: Сер.3. – 1992. – № 5-6. – С.101.

⁷⁰ См.: Эко У. Роль читателя: Исследования по семиотике текста / У. Эко. – СПб.: Симпозиум, 2007. – 502 с.

принципиально медийными событиями. На авансцену игрового пространства выходят знаки. В медийном поле бытие и знак в результате взаимовлияния становятся взаимозаменяемыми, и конвергентные информационные потоки приносят в наш дом больше «реальности», нежели «информации».

Для контента современных масс-медиа становится важен не факт, а сюжет. Для завоевания внимания широкой аудитории вновь и вновь задействуются материалы «человеческого интереса», призванные привлечь всеобщее внимание (спорт, отдых и развлечения, межполовые отношения, здоровье, стиль жизни и пр.), на сей раз в облегченной подаче включенные в сферу развлечений. Но «смерть автора» неизбежно влечет за собой и «смерть читателя», поскольку всякий воспринимающий мир-текст становится со-творцом виртуального информационного пространства, наполненного знаками и символами, порожденными и прочитанными только их потребителем.

«Смерть читателя», как нам видится, наиболее отчетливо фиксируется в утрате имплицитного читателя, ответственного за установление и обеспечение адекватной коммуникации, задаваемой самой структурой текста.

Во-первых, «читателя» с появлением конвергентных масс-медиа интересуют не столько эмпирические данные индивидуального или коллективного актов чтения, но, скорее, конструктивная (или деконструктивная) деятельность. Он заново создает структуру текста, наполняя его новым смысловым контентом. «Читатель» сегодня напоминает, скорее, компьютер, способный обнаружить в своей памяти и соединить в безграничном гипертексте весь текстуальный универсум (и потому он – образцовый читатель *par excellence*). Его единственной связью с миром является культурная традиция, а единственной жизненной функцией – функция интерпретации⁷¹.

Сегодня масс-медиа позволяют «читателю» реализовать себя как элемент бытия, а не просто потребителя информации. Конвергентная медиа-сфера реализует его потребность в сотворении мира-текста через комментаторские блоги, в которых предьявленная в сообщении действительность порой интерпретируется до полной инверсии: он не потребляет информацию, он даже не ведет с ней диалог, – он созидает новую гиперреальность. «Читатель» становится «автором» – и «умирает» как «читатель».

А во-вторых, «смерть читателя» явственно прослеживается в повсеместном распространении такого явления как *zapping*, позволяющего экранировать идеологические атаки на сознание и высвобождать новые смыслы. Суть *zapping* – выбор того, когда и в какой очередности нажимать переключающие информационные потоки «кнопки», чтобы создать свое собственное сугубо постмодернистское пространство. «Переключение телезрителя, которым управляют режиссер и оператор (то есть принудительное индуцирование субъекта в результате техномодификаций) – это другой тип зэппинга. Здесь уже телевизор превращается в пульт дистанционного управления телезрителем. Переходя в состояние *homo zapiens*, телезритель сам становится телепередатчей, которой управляют дистанционно. И в этом состоянии он проводит значительную часть своей жизни»⁷².

Создание собственного информационно-коллажного образа жизни возможно не только с помощью телевидения, но и радио, и интернет-порталов, и даже традиционных печатных изданий: современные масс-медиа в соответствии с логикой философии постмодерна возвращают «читателя» к некоему космическому состоянию, когда возможно творение *ex nihilo* – «из ничего»⁷³. Выхватывая отдельные фрагменты из информационных потоков «читатель» моделирует свой мир-текст, окончательно уничтожая смысловую нагрузку произведения, заданную его автором. Некритически воспринимая сообщения, «читатель» даже начинает допускать одновременное существование разных, порой даже взаимоисключающих версий произошедшего, каждая из которых пребывает в своем измерении. Вспомним: поскольку реальность скрывается за переплетением множества образов и интерпретаций, распространяемых без какой-либо единой координации, то увеличение наших информационных возможностей по отношению к самым различным аспектам реальности делает все менее понятной саму идею одной-единственной реальности⁷⁴.

⁷¹ См.: Уэбстер Ф. Теории информационного общества. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 400 с.

⁷² Пелевин В.О. Generation «П». Рассказы. – М.: Вагриус, 1999. – С.101-102.

⁷³ См.: Рыгайс Е.В. Интернет: за пределами сакрального / Е.В. Рыгайс // Медиафилософия IV: Методологический инструментарий медиафилософии. – СПб.: Санкт-Петербургское Философское общество, 2010. – С.29.

⁷⁴ См.: Ваттимо Дж. Прозрачное общество / Дж. Ваттимо. – М.: Логос. – 2002. – 128 с.

При этом «читатель» преднамеренно или подсознательно снижает драматизм передаваемых сообщений, порождая в своем коллажированном информационном пространстве иронический контекст для произвольно фрагментированных им информационных потоков: вместо предлагаемых медиа-текстов возникает некий пастиш или, если хотите, даже фанфик, конструирующий «альтернативную вселенную», где возможно все. Согласно позиции американского теоретика постмодернизма И. Хассана, такой способ существования в информационном пространстве может быть рассмотрен и как метод борьбы против языка, «лживого по своей природе», и в особенности – против претензий последнего на обладание каким бы то ни было аксиологически выделенным (не только единственно возможным или так называемым «правильным», но и вообще предпочтительным) смыслом⁷⁵.

Типизированное отображение общества, в существовании которого у человека теперь нет твердой уверенности, возвращается из художественно-образного к своему источнику – в документалистику, публицистику, хронику, эпистолярные и прочие жанры, свойственные масс-медиа, но на качественно ином уровне: воздействие электронных средств массовой информации, по мнению английской исследовательницы К. Брук-Роуз, предпочитающих плоские характеры комиксов, видеоклипов или компьютерных игр, вытеснило из современности многогранный психологизм образов⁷⁶. Клиповость мышления «читателя», неспособность к восприятию многомерного образа и обязательное расчленение его в процессе потребления на примитивные «картонные фигурки» привели к появлению нового человека, населяющего новыми мифами привычный ему мир. В итоге, новые стереотипы массового сознания повлекли изменения общей социокультурной ситуации.

Ситуация «смерти читателя» диктует иные принципы структурирования информационных потоков. Выживают те масс-медиа, которые оказываются способными опережать запросы потребителя, предугадывать процесс их формирования. Такая контентная изменчивость и есть цель конвергенции технологий, как вершина айсберга видимой сегодня абсолютно всем. Всякая форма информационного потока, всякий канал должен удивлять своей непредсказуемостью, вступая в условную языковую игру (плюрализм смыслов) с вчерашним «читателем», внутри которой определяются как вопросы, так и возможные ответы, истинность и ложность которых недоказуема в рамках прежнего мышления. Потребитель информации «явно больше, чем простой наблюдатель, следящий за тем, что разворачивается перед ним. В качестве участника он – составная часть самой игры»⁷⁷. Это во-первых.

Во-вторых. Сегодняшний потребитель информации – вчерашний «читатель» – предпочитает индивидуально-личностный подход к формированию информационного потока, тогда как масс-медиа нацелены на массовое производство информации. Добиться совмещения этих противоположностей и позволяет конвергенция технологий, при которой каждый канал представляет собой особую форму совместного сотворения контента. Каждый раз, когда вчерашний «читатель» начинает «переключать каналы» в приступе zapping, он должен чувствовать, что из старых шаблонов он способен сконструировать новую мозаику мира-текста, комфортную для него сегодняшнего. В парадигме У. Эко эта позиция звучит так: каждое утро вы просыпаетесь и чувствуете, что все изменилось, а значит, и текст должен быть переписан⁷⁸. Так конвергенция технологий плавно перетекает в конвергенцию смыслов, порождая гармонию между человеком (технологический аспект) и культурой (знаково-символьный аспект).

В-третьих. Повышенная стрессовость информационных потоков современного мира-текста вызывает у вчерашнего «читателя» потребность – пусть даже так и не осознанную им – в ироничном восприятии драматического контента. Намеренная анормативность и комический эффект, возвращающие нас к понятию «языковая игра», способны снять напряжение и вызвать дискредитацию криминально-информационного контента. Изменения напряженно-стрессовой картины мира потребителя информации и его отношения к действительности в настоящий момент вызываются самим потребителем информации, тогда как сама его позиция – потребитель – предполагает, что этот процесс должен быть инициирован кем-то извне, например, самими масс-медиа, включившимися в конвергенцию

⁷⁵ См.: Hassan I. The dismemberment of Orpheus: Toward a postmodernist literature. – Urbana, 1971. – 297 p.; Hassan I. The dismemberment of Orpheus: Toward a postmodernist literature. – Urbana, 1971. – 297 p.

⁷⁶ Brooke-Rose Chr. The dissolution of character in the novel // *Reconstructing individualism: Autonomy, individuality, and the self in western thought*. – Stanford, 1986. – P.184-196.

⁷⁷ Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного / Г.-Г. Гадамер // Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. – М.: Искусство, 1991. – С. 289.

⁷⁸ См.: Eco U. *Apocalypse Postponed* / U. Eco. – Indiana University Press, 1994. – 227 p.

смыслов. Возможность свободно манипулировать любыми готовыми формами позволяет масс-медиа моделировать любые акценты на смешении стилей или на построении интертекстуальности в пределах тех «сумм текстов», которыми обладает вчерашний «читатель». Конструирование поля, в котором осуществляются интерпретации, подкрепляется технологическими конвергенциями масс-медиа, а средством моделирования становится знак, выраженный как в слове (морфема), так и в звуке (фонема).

Отсюда же вытекает и наш четвертый принцип. Текст как развлечение нашел реализацию в новейшей форме подачи информации – инфотейнмент, суть которого обычно выражается следующим образом: «Неважно, что человек рассказывает, важно – как. Зануды выключат, какой бы важной информацией он ни хотел поделиться»⁷⁹. Однако этот подход не совсем верен, поскольку вчерашний «читатель» ищет не только и столько развлечений, сколько облегченности подачи информации при глубоком анализе проблемы. Конвергенция масс-медиа позволяет представить многомерный подход к освещению события, показ различных граней свершившегося, дать разнообразные точки зрения на возможные варианты его развития. Но глубина исследования, проведенного журналистом, переживает распад на составляющие, каждая из которых предъясняется в отдельной упаковке, и тем самым, получает значительное уменьшение «брутто» анализа. При таком раскладе вчерашний «читатель» может выбрать собственную стратегию поведения: удовлетвориться облегченной версией или стать со-творцом журналистского расследования, смоделировав собственную версию, обладающую комфортной для со-творца глубиной анализа. В последнем случае конвергенция технологий дает возможность вчерашнему «читателю» самому осуществить конвергенцию смыслов.

По мысли современного комментатора идей Ж. Делеза и Ф. Гваттари канадского исследователя Б. Массуми, природа ризомы меняется благодаря непреднамеренному росту, что добавляет ей совершенно новое измерение: «Она перерастает свои границы, чтобы включить внешнее себе – среду, которая дает возможность тому, что приходит к узлу от сети, участвовать во встречах и событиях, которые случайны или непредвиденны в том смысле, что ни сетевая структура, ни данное содержание, которое может быть транслировано системой связей, не устанавливают заранее то, что может обнаружиться»⁸⁰. Иными словами, мир-текст, включая, вовлекая в себя свое окружение, не отражает общественные процессы, а скорее активно участвует в становлении общества, а децентрализованные интерпретации создают первичную открытость изменению его становления.

Итак, в основе конвергенции масс-медиа, как видим, лежит исключительно медиатекст как ризоморфная конструкция мир-текста. Он и есть точка схождения всех форм конвергенции масс-медиа, независимо от полифонически-многомерных ее вариаций.

Литература

1. Barthes R. Texte // Encyclopedia universalis. – Vol. 15. – Paris, 1973. – P.78.
2. Brooke-Rose Chr. The dissolution of character in the novel // Reconstructing individualism: Autonomy, individuality, and the self in western thought. – Stanford, 1986. – P.184-196.
3. Deleuze G., Guattari. F. Rhizome. – P., 1976. – 74 p. Цит. по: Грицанов А.А., Абушенко В.Л. Ризома // История философии. Энциклопедия. – Минск, 2002. – С.886-887.
4. Eco U. Apocalypse Postponed / U. Eco. – Indiana University Press, 1994. – 227 p.
5. Hassan I. The dismemberment of Orpheus: Toward a postmodernist literature. – Urbana, 1971. – 297 p.
6. Аппиньянези Р. Знакомьтесь: постмодернизм / Р. Аппиньянези. – СПб.: Академический проект, 2004. – С.3.
7. Бодрийяр Ж.-Л. Символический обмен и смерть / Ж.-Л. Бодрийяр. – М.: Добросвет, КДУ, 2006. – 389 с.
8. Бодрийяр Ж. Реквием по масс-медиа // Поэтика и политика: Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1999. – С.193-226.
9. Ваттимо Дж. Прозрачное общество / Дж. Ваттимо. – М.: Логос. – 2002. – 128 с.

⁷⁹ Каргозия Н. Программа «Намедни»: русский инфотейнмент / Н. Каргозия // Меди@альманах. – 2003. – № 1. – С.11.

⁸⁰ Герман И. «Будущее нужно активно изобретать»: философ Брайан Массуми об эволюции ризомы и спекулятивном прагматизме (Интервью Н. Сосны с Б. Массуми). – [Электронный ресурс] URL: <http://theoryandpractice.ru/posts/8115-rizoma-massumi> Дата доступа: 25 ноября 2014 года.

10. Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного / Г.-Г. Гадамер // Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. – М.: Искусство, 1991. – С.289.
11. Герман И. «Будущее нужно активно изобретать»: философ Брайан Массуми об эволюции ризомы и спекулятивном прагматизме (Интервью Н. Сосны с Б. Массуми). – [Электронный ресурс] URL: <http://theoryandpractice.ru/posts/8115-rizoma-massumi> > Дата доступа: 25 ноября 2014 года.
12. Дебор Г. Общество спектакля. – М.: Логос, 2000. – С.3.
13. Ильин И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа / И.П. Ильин. – М.: Интрада, 1998. – С.14-15.
14. Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм / И.П. Ильин. – М.: Интрада, 1996. – С.99.
15. Калмыков А.А. Конвергенция – возможность универсального журнализма в рамках профессиональной идентичности / А.А. Калмыков // Вестник электронных и печатных СМИ. URL: <http://www.ipk.ru/index.php?id=2231>
16. Каргозия Н. Программа «Намедни»: русский инфотейминг / Н. Каргозия // Меди@альманах. – 2003. – № 1. – С.11.
17. Коротченко Е.П. Гиперреальность / Е.П. Коротченко // Социология: Энциклопедия. – Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2003. – С.222.
18. Кроузер А., Кук Д. Постмодернистская сцена: экспериментальная культура и гиперэстетика / А. Кроузер, Д. Кук // Общественные науки за рубежом: Сер.3. – 1992. – № 5-6. – С.101.
19. Лиотар Ж.Ф. Состояние постмодерна / Ж.Ф. Лиотар. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. – С.88.
20. Можейко М.А. Постмодернистская чувствительность / М.А. Можейко // Новейший философский словарь. – Минск, 2001. – С.784.
21. Огурцов А.П., Платонов В.В. Образы образования. Западная философия образования. XX век / А.П. Огурцов, В.В. Платонов. – СПб.: РХГИ, 2004. – С.419.
22. Пелевин В.О. Generation «П». Рассказы. – М.: Вагриус, 1999. – С.101-102.
23. Пригожин И.Р. Философия нестабильности / И.Р. Пригожин // Вопросы философии. – 1991. – № 6. – С.52.
24. Рахимкулова Г.Ф. Медiateкст как явление культуры постмодернизма / Г.Ф. Рахимкулова // Инфоносфера и массовые коммуникации. – Ростов-на-Дону, 2008. – С.142.
25. Рыгайс Е.В. Интернет: за пределами сакрального / Е.В. Рыгайс // Медиафилософия IV: Методологический инструментарий медиафилософии. – СПб.: Санкт-Петербургское Философское общество, 2010. – С.29.
26. Терещенко Н.А., Шатунова Т.М. Постмодерн как ситуация философствования / Н.А. Терещенко, Т.М. Шатунова. – СПб.: Алетейя, 2003. – С.78.
27. Туманов Д.В. Мир-текст как основа конвергенции массмедиа / Д.В. Туманов // Медиаконвергенция и «ситуация человека»: новые вызовы, старые вопросы. – Казань: Казан. ун-т, 2012. – С.60-61.
28. Уэбстер Ф. Теории информационного общества. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 400 с.
29. Эко У. Роль читателя: Исследования по семиотике текста / У. Эко. – СПб.: Симпозиум, 2007. – 502 с.